

АЛЕКСЕЙ ЗАРЕВИН

Москва
2018

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-34

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Заревин, Алексей Александрович.

З-34 Золото под ногами / Алексей Заревин. — Москва :
Эксмо, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-096599-1

Вы еще помните тот чистый восторг, который охватывал вас при первом чтении книг Фенимора Купера и Майн Рида? Вы, конечно, думаете, что эти ощущения не вернуть. А вот и нет. Иногда они возвращаются. В «Золоте под ногами» есть все, что пленяло нас в детстве, — и индейцы, и следопыты, и трапперы, и пираты, и страшные американские бандиты, и золотодобытчики, и даже мистическая нечистая сила... Причем написана эта книга современным динамичным русским языком.

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Заревин А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096599-1

• I •

Двадцать пятого мая тысяча восемьсот сорок девятого года трехмачтовая пассажирская шхуна «Изабелла» вошла в бухту Эрба Буэна и после недолгого лавирования в немудреном фарватере села на мель в одной морской миле от берега

Удар о подводный камень пришелся в правую скулу на десять дюймов ниже ватерлинии, и через пробойну в трюм немедленно хлынул поток чистой океанской воды. Каменный клык, проникший во чрево «Изабеллы», зацепился за переборку, вследствие чего корму шхуны по инерции занесло влево, затем развернуло поперек фарватера и вынесло на песчаную косу, скрытую водами прилива. Зад «Изабеллы» оказался погруженным в песок, а в скуле, словно гигантский зуб морского змея, застрял кусок черной скалы.

Многочисленные пассажиры, взошедшие наверх в виду порта и попадавшие от непредвиденной резкой остановки, имели вид помятый и жалкий. Женщины визжали, мужчины ругались, кто-то стонал; растерянно оглядываясь, искали близких, по палубе бегали серые корабельные крысы, и над этим гвалтом, перекрывая его, гремел свирепый рык капитана Бартла Брана. Огромный, страшный в гневе, он метался по судну и рычал, как раненый тигр. Его рыжая ирландская борода и густая шевелюра пламенели в солнечном свете. Внезапно появляясь здесь и там, он изрыгал проклятия, грозил огромным кулачищем и ревел: «Где он?! Где этот акулий хрящ? Дайте мне эту вонючую крысу! Ууу!...» Матросы старались не попадаться ему на глаза, а по-

встречав, демонстрировали особое усердие: закидывали пробойну балластом, поднимали из трюма наверх мокрый корабельный скарб, а в трюм тащили инструмент и доски. Шкипер «Изабеллы», дюжий верзила по прозвищу Брамсель, косился на капитана, размышляя, не тронулся ли умом старина Бартл и не появится ли в связи с этим скорбным событием в судоходной компании капитанская вакансия.

Среди немногих, кто в суматохе и панике сохранил невозмутимость, выделялся джентльмен лет пятидесяти, одетый в добротный длиннополый сюртук, жилет и белую сорочку без воротника на мормонский манер. Помимо прочего, на нем были цивильные брюки, подбитые кожаной вставкой на месте седалища, широкополая шляпа, скрывающая поредевшую шевелюру с проседью, на ногах — темно-коричневые сапоги из бычьей кожи. В облике этого человека не было ничего выдающегося, однако любой южанин по неуловимым для чужого взгляда признакам безошибочно признал бы в нем уроженца Техаса. Впрочем, одну особую примету можно было всё-таки назвать: прозрачные глаза джентльмена были холодны, как сталь армейского клинка, в них не было ни капли жалости или участия.

В момент крушения джентльмен находился в персональной каюте первого класса, причем стоит заметить, что до его появления на корабле кают первого класса не было, а та, в которой путешествовал джентльмен, была оборудована специально для него. Впрочем, ударом о камни его бросило на пол точно так же, как обыкновенных пассажиров «Изабеллы». Когда же судно окончательно село на мель, он вскочил, немедленно опоясал талию ремнем, на котором болтались две кобуры, схватил дорожный сак, нацепил шляпу и с живостью, нехарактерной для его возраста, взбежал из каюты на палубу. Растолкав бестолковых товарищей по несчастью, джентльмен выбрался на неприлично откляченную корму «Изабеллы», окинул взглядом окружающий

пейзаж и, поняв, что в ближайшее время ждать ничего страшнее того, что уже произошло, не приходится, преспокойно уселся на случившийся поблизости рундук и стал раскуривать трубку.

При этом он внимательно следил за взволнованной публикой, суетливыми матросами и разъярённым капитаном. Картина была забавной, джентльмен усмехался в усы и пускал замысловатые кольца табачного дыма.

Когда капитан в очередной раз пробежал мимо, он слегка подался вперед и громко произнес:

— Ищете лоцмана, кэп?

Бартл резко развернулся на голос и уставился на джентльмена. Налитое кровью лицо его перекошилось:

— А, мистер Милвертон! Да, ищу, сэр! И клянусь девственностью пресвятой Богородицы, вырву ему кишки, когда найду!

— Его уже нет на судне.

— Где? Где он?!

— Полагаю, во-он там, — и джентльмен протянул руку вправо, указывая на берег.

Капитан застыл у поручня, пытаясь получше рассмотреть водную поверхность, но ему мешало яркое солнце и сильная рябь, отражавшая солнечный свет мириадами бликов. Бран не увидел беглеца, но на всякий случай заорал:

— Шкипер! Шлюпку на воду! Догнать! — Он вновь обернулся к своему собеседнику: — Черт бы вас подрал, мистер Милвертон. Ведь это вы рекомендовали мне этого никчемного пройдоху! Он посадил нас на мель и смылся. В Эрба Буэна не осталось ни одного лоцмана! Этот крысиный помет утверждал, что знает бухту и фарватер как свои пять пальцев, и вы сказали, что он хорош в своем деле. — Бран на секунду замолк, переводя дух. — Убыю! — гаркнул он на джентльмена в переизбытке чувств.

— Нанять его было вашим решением, кэп. Не сваливайте вину на первого встречного, — спокойно произнес джентльмен. — И вообще, скверный лоцман не

самая большая ваша беда. Посмотрите на берег. К нам уже идут.

Действительно, от причала в этот момент отходила весельная лодка.

— Кто это? — встревожился капитан. — Помощь?

— Вряд ли, — ответил джентльмен. — Это местная гвардия. Не хотел бы я оказаться на вашем месте, капитан.

Старина Бран не умел размышлять о многих вещах одновременно. Однако два момента для него вроде бы прояснились: беглый лоцман плывет к берегу (и, если даст Святой Патрик, не доплывет), а к «Изабелле» приближается вооруженный отряд. И на оба эти обстоятельства ему указал джентльмен с трубкой.

— Не слишком ли много вы знаете, мистер Милвертон? Для простого пассажира вы неплохо осведомлены, а! Что? — подозрительно спросил капитан

Джентльмен пристально посмотрел в глаза Брану и промолвил:

— Мы провели с вами на одном судне около шести месяцев, капитан. У вас было время поразмыслить и понять, что я не простой пассажир. Впрочем, мы больше не встретимся, так что не стоит уделять моей персоне слишком много внимания. И лоцмана оставьте в покое. У вас есть проблемы посерьезнее. Первая плывет сюда. — Он вынул изо рта трубку и мундштуком ткнул в сторону посуды, которая, преодолевая прибой, быстро скользила к «Изабелле».

— Допустим, — скептически произнес капитан, — а вторая?

— Вторая хуже, — джентльмен вынул из жилетного кармана часы, отщелкнул крышку и посмотрел на циферблат. — Скоро начнется отлив, и ваше судно повиснет между песчаной косой и рифом. Смекаете?

— Шкипер! — заорал Бран и бросился к матросам, которые возились со шлюпкой, пытаясь спустить ее на воду. — Шкипер!.. К черту шлюпку! Залатать дыру, откачать воду, балласт за борт! Живо, желудки набитые! Живо!

Тем временем лодка, отвалившая от берега четверть часа назад, подошла к «Изабелле». Отряд военных в пятнадцать человек, под командованием молодого бригадного лейтенанта, поднялся на борт и энергично взялся за дело.

— Всех собрать на корме! Капитана ко мне!

Солдаты, не церемонясь, пинками погнали публику на корму. Пассажиры, ошеломленные чередой внезапных катастроф, даже не пытались сопротивляться.

Седой джентльмен встал с рундука, отряхнул штаны, подхватил сак и, не дожидаясь особого приглашения, отправился на объявленное место сбора. Туда же солдаты притащили и капитана судна.

При виде лейтенанта тот приосанился, передал судовые документы и отрапортовал:

— Капитан Бартл Бран, сэр! Следую курсом на Сан-Франциско. Имею на борту двадцать два члена экипажа и семьдесят пять пассажиров, сэр! В трюмах, помимо багажа пассажиров, имею груз продовольствия, пороха и скобяного товара, сэр. — Бран застыл, выпучив глаза на офицера.

Во время рапорта лейтенант изучал судовые документы. Когда Бран умолк, лейтенант оторвал взгляд от бумаг и неприязненно спросил:

— Какого дьявола вы полезли в бухту Сан-Франциско, капитан?

— Согласно судовой документации, сэр! — отчеканил Бран.

— Вы не можете войти в Сан-Франциско. По распоряжению губернатора Сан-Франциско закрыт для пассажирских, а равно любых прочих судов, не имеющих специального разрешения властей. Вам повезло, что вы сели на мель. Если бы вы продвинулись еще на пару кабельтовых, мне пришлось бы расстрелять вас из береговых орудий. Вам следует незамедлительно проследовать в Монтерей и в установленном порядке заявить властям о прибытии. Я, лейтенант республиканской

гвардии Джонатан Смит, приказываю вам немедленно покинуть акваторию, сэр!

Для Бартла Брана это было слишком. Капитан ничего не понимал и от этого стал соображать еще хуже.

— Это что же... — заикаясь, начал он, — это как... Куда же я?..

— Если не уберетесь отсюда в течение двух часов, я открою огонь по вашему корыту, — добавил холоду лейтенант.

— Дайте мне время до прилива, сэр, — взмолился капитан. — За два часа я не успею.

— Очередной прилив завтра, сэр! — издевательски растягивая слова, произнес лейтенант. — А сегодня вас ожидает отлив! И ваша посудаина сядет на скалы так основательно, что перекроет фарватер до второго пришествия, потому что снять ее с камней сможет только чудо господне!

Бартл исподлобья смотрел на лейтенанта. Глаза капитана налились кровью, шея побагровела, на висках вздулись вены. Казалось, еще минута, и он взорвется, как перегретый паровой котел. Матросы, бросив работу, столпились за спиной своего вожака. Компания выглядела очень недружелюбно, и суровый лейтенант понял, что перегнул палку. Хотя его солдаты и вооружены винтовками, но матросов больше. Обеим сторонам стычка не сулит ничего хорошего. Лейтенант был бы рад разрядить накалившуюся обстановку, но не знал, как это сделать, не потеряв лица. И, как часто бывает с молодыми людьми, мучимыми стыдом за собственную неловкость, поступил противоположно своим намерениям!

— Убирайтесь отсюда к морскому дьяволу, сэр, — прохрипел он сорвавшимся голосом, — не то я разнесу ваш плавучий гроб по всему заливу Эрба Буэна!

И тут в разговор вклинился загадочный джентльмен в сюртуке. Он вышел из толпы пассажиров и громко произнес:

— Позвольте минуту внимания, лейтенант!

— Что? Кто вы такой?

Незнакомец чуть приподнял шляпу и громко объявил:

— Чарльз Милвертон, личный советник и доверенное лицо президента Тейлора! — И, уже обращаясь непосредственно к лейтенанту, добавил: — Прибыл в Калифорнию из Вашингтона по поручению президента США.

Выражение гнева на лице Джонатана Смита сменилось презрительной ухмылкой.

— Калифорния — независимая республика! — гордо провозгласил он. — Мы не подчиняемся ни вашему президенту, ни вашему конгрессу, сэръ! Ваши регалии ровно ничего не значат на нашей земле.

— Это спорное утверждение, лейтенант, но сейчас не об этом, — примирительно ответил Милвертон, — я прошу всего лишь минуту вашего внимания. Капитан, — он обернулся к Бартлу Брану, — уймите своих головорезов...

— Тихо, животные! — крикнул тот матросам. — Кто шевельнется, скормлю морскому змею! — Он почувствовал, что советник может разрешить запутанную ситуацию, грозившую вылиться в серьёзные неприятности.

Пока пассажиры тихо роптали на корме, оттеснённые туда солдатами, а корабельная команда во главе с капитаном переминалась на месте, Милвертон взял лейтенанта за локоть и отвел в сторонку.

— Лейтенант, — сказал он серьезно, — в Калифорнии и без этих (он кивнул в сторону пассажиров и команды) творится черт знает что. Обстановку контролировать очень трудно. Верно я говорю?

— Верно, — нехотя процедил сквозь зубы лейтенант.

— Не усугубляйте положение бойней на этой лохани. Перевезите пассажиров шлюпками на берег и сдайте береговым властям. Этим вы снимете с себя ответственность за их жизни, а заодно и за все грехи, которые они еще совершат здесь. А капитану дайте время

до прилива. Уверен, он найдет способ освободить свою «Изабеллу».

— Береговым властям? — вскинулся лейтенант. — Я и есть береговая власть! А также морская, воздушная и любая, какую вы еще сможете придумать. Посмотрите туда! Видите эти корабли? — Он махнул рукой в сторону берега. Весь причал и значительная часть бухты были заполнены большими и малыми судами весьма непрезентабельного вида. — Они брошены, сэр! — продолжал лейтенант свою пылкую речь. — Они приплывают сюда, привозят сотни людей и остаются здесь. Команды разбредаются по лесам, ищут золото. Этому корыту, — он постучал ногой по палубе, — даже причалить негде. Я не позволю ему тут оставаться! Вы лезете с рекомендациями, а что вы знаете? Ответственность... Отвечать за них придется мне, больше некому. Эти пятнадцать солдат составляют половину моего гарнизона, остальные разбежались. На чем держится порядок — сам не понимаю.

До советника дошло, что своей напускной бравадой лейтенант пытается скрыть смертельную усталость и отчаяние. Служака Смит был одним из немногих, оставшихся верным долгу службы, и именно на него обрушилась непомерная тяжесть ответственности за все, что происходит сейчас в Сан-Франциско.

— Скоро здесь будет порядок, лейтенант, — убедительно произнёс Милвертон, ободряюще положив руку на плечо собеседнику, — вот увидите. А теперь последуйте моему совету: доставьте пассажиров на берег и дайте возможность команде залатать судно. Это самый правильный выход.

Лейтенант хотел было тяжело вздохнуть, но вовремя опомнился и сдержался. А советник уже объяснял капитану:

— Капитан, у вас есть время до прилива. Заделаете пробоину и уйдёте в Монтерей. Лейтенант Смит любезно согласился переправить пассажиров на берег.

— Спасибо, сэр! — облэгченно произнес капитан. — Я уж думал... Хгм... Спасибо, — и тут же преобразившись, заорал на матросов: — За работу, желудки! Живо за работу!

Лейтенант Смит, радующийся про себя, что кто-то распутал клубок намечающихся неприятностей, решил не встречать, даже если это повредит его авторитету. А советник продолжал отдавать распоряжения, словно всю жизнь только этим и занимался. Обратившись к пассажирам, он заявил:

— Леди и джентльмены, ваше путешествие закончено. Военные перевезут вас на берег, накормят и дадут кров на пару дней. После того как власти убедятся, что вы прибыли в Калифорнию с добрыми намерениями, которые, я надеюсь, состоят лишь в том, чтобы честно трудиться и разбогатеть, вы будете отпущены на все четыре стороны. Всего наилучшего, господа! Да пребудет с вами вера в Господа и закон Калифорнии!

Солдаты расступились, пассажиры отправились по каютам собирать пожитки. А Чарльз Эдвард Милвертон, доверенное лицо президента США, сел в лодку вместе с командой лейтенанта Смита и через четверть часа ступил на благословенную калифорнийскую землю, где стремительно разгоралась Золотая лихорадка.

• II •

Филипп Крамер, жмурясь от яркого света, вышел из тени деревьев на солнечную лесную опушку.

Ох, как нехорошо...

Крамер едва сдерживал подступающую к горлу дурноту. Его мутило. Тяжкий запах разложения застрял в носу, в глотке, в брюхе. Казалось, жирный смрад навечно осел в лёгких и уже никогда не выветрится. Даже на языке чувствовался сладковатый удушливый привкус.

Выдержка и невозмутимость! — без этого шериф не шериф. Уж вы поверьте, бойцовские навыки ни черта не стоят, если не можешь сохранить самообладание и кидаешься в истерику на ровном месте.

Сейчас стошнит...

Крамер с усилием расправил плечи, утвердил правую ногу на большом камне, закрыл глаза, развел руки в стороны и вдохнул весенний воздух долины Сакраменто. Прохладный аромат чистой воды, полуденного солнца, душистых трав, сосновой смолы и горячих речных камней наполнил его грудь, просочился в кровь и потек по венам, освежая нутро, словно настой мяты на молочной сыворотке. Противный едкий ком в горле ушел куда-то вниз и бесследно растворился. Кажется, полегчало.

Крамер выдохнул и оглянулся. Лошади, привязанные к молодой сосне, тихо переступали копытами и фыркали. Разлапистые папоротники степенно качались под теплым майским ветром. Солнечные лучи пробивали зыбкую тень мохнатой хвои, играли бликами на вековых стволах. Если сощуриться и посмотреть вверх, сквозь ветви, то и само солнце кажется мохматым, как сосна или гигантская секвойя.

Шериф ощутил прилив сил и оптимизма. Все было так, как и должно быть: река течет, лес шумит, небо безоблачно, пистолеты приятно оттягивают ремень, а начищенный до зеркального блеска значок сияет на сотню миль. В мир Крамера возвращались порядок и равновесие: он очень любил свой сияющий значок и пару новых «кольтов».

Окончательному воцарению гармонии мешали два обстоятельства.

Во-первых, за кустами, нарушая лесную идиллию, издавал неприятные звуки юный Сэм Джонсон — его рвало; во-вторых, чудесный речной воздух портил непереносимый смрад, исходящий от неизвестного мертвеца, уютно пристроившегося среди замшелых валунов

в сотне ярдов от берега. От него шериф и сбежал, чтобы немного продышаться.

Шериф оправился, стряхнул ошметки сосновой коры с рукава и поправил значок на груди.

По завершении Мексиканской кампании капитан от кавалерии Филипп Крамер был назначен алькальдом Сан-Франциско, а заодно по единогласному выбору жителей исполнял обязанности шерифа. Со времен своего армейского прошлого он так и не удосужился обзавестись гражданским гардеробом, и потому на нем был армейский мундир со знаками различия. На оружейном ремне болтались две кобуры, а в них утоплена пара «кольцов» Walker.

Был он высок и строен, хотя несколько полноват. Глаза серые, с едва заметным синеватым отливом; когда-то прямой нос, безнадежно свернутый в драке на сторону, приобрел изгиб орлиного клюва; подбородок скрывала окладистая черная борода, доходившая до середины груди. К особым его приметам стоило бы отнести неподражаемый командирский голос бывшего кавалериста: такому густому басу позавидовал бы боевой рог викингов. И пожалуй, повстречай Крамер в горах хозяина Кордильер, медведя гризли, мог бы на равных соревноваться с ним в грозности рыка, и неизвестно, кто уступил бы дорогу сопернику. Суров был обликом алькальд и шериф Сан-Франциско, и только губы у славного кавалериста были пухлые, чувственные, как у ветреной девицы, и потому он прятал их за пышной грядой усов.

Крамер сурово поджал немужественные губы и решительно зашагал обратно к трупам. Зажав нос рукавом, он приступил к официальному осмотру.

Белый, рост около шести футов, голый. На спине... Так-так... Что у него на спине? Горизонтальные порезы дюйма полтора длиной в количестве двенадцати штук. Любопытно. Шериф подобрал ветку и смахнул хвою со спины покойника. Так и есть, двенадцать. По шесть